

ГЛАВА
КАПИТОН

ЧАСТЬ 10

ДЕСЯТАЯ ВСТРЕЧА
29 МАРТА 2009

КВАРТИРА МОНАСТЫРСКОГО
НА УЛИЦЕ КОРОЛЕВА

ВАДИМ ЗАХАРОВ
ЮРИЙ ЛЕЙДЕРМАН
АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ

РАБОТА ВАДИМА ЗАХАРОВА

После нескольких прослушиваний фонограммы, звучащей из-под меховой шапки, Юра Лейдерман записывает телефоны и начинает по ним звонить.

МОНАСТЫРСКИЙ Не берут трубку?

ЗАХАРОВ По какому ты звонил?

ЛЕЙДЕРМАН 6063602. Вот, включился факс.

ЗАХАРОВ Тогда опять первый набери – 6243158...

МОНАСТЫРСКИЙ Ничего нет?

ЛЕЙДЕРМАН Нет.

ЗАХАРОВ Ну, хорошо, третий – 7836866 ... сегодня воскресенье. Но там должен быть автоответчик.

ЛЕЙДЕРМАН Может, это психологическая помощь? Анонимная...

ЗАХАРОВ Надо все-таки 495 набирать?

ЛЕЙДЕРМАН Нет, если 495, то так и идет, а если нет, то сказали бы: “Неправильно набран номер”.

МОНАСТЫРСКИЙ Автоответчика нет?

ЛЕЙДЕРМАН По третьему номеру был сначала такой звук, как когда бывает автоматический определитель.

ЗАХАРОВ Попробуй 8 и 495...

МОНАСТЫРСКИЙ Не 499?

ЗАХАРОВ Нет, 8. 495.

МОНАСТЫРСКИЙ Я звоню по обычному...

ЗАХАРОВ А я маме звоню через 499.

ЛЕЙДЕРМАН Я то же самое.

ЗАХАРОВ Обязательно должен быть автоответчик... Первый набрал?

ЛЕЙДЕРМАН Да... Сейчас говорят, что неправильно набран номер. После 495 семь цифр...

ЗАХАРОВ Еще раз набери!

ЛЕЙДЕРМАН Еще раз... 6243158

ЗАХАРОВ Это странно.

МОНАСТЫРСКИЙ Воскресенье.

ЗАХАРОВ Нет, должен быть автоответчик.

МОНАСТЫРСКИЙ Даже нет автоответчика.

ЗАХАРОВ Ну ладно!

МОНАСТЫРСКИЙ А что тогда делать?

ЗАХАРОВ Я, конечно, объясню, но жалко, что не сработало. Фонограмма, которую вы слышали из-под шапки Суворова – это гимн международного сообщества Евразийского движения, а чудовищный хриплый голос произ-

носит с паузами телефоны и слово ПОМОГИТЕ! Первый телефон – это приемная ФСБ. Второй – приемная президента Медведева, а третий телефон – дугинский.

ЛЕЙДЕРМАН Если это не приемные часы, они не отвечают.

ЗАХАРОВ Но там должно быть: “Позвоните завтра или оставьте сообщение!” и т.д.

МОНАСТЫРСКИЙ Мне было очень интересно, когда включилась фонограмма. Неразборчивые слова и какая-то странная отнесенность, какие-то странные непонятные горизонты. Что такое? И это мне очень понравилось. Вот когда ты расшифровал, кому звонишь, я сник. Потому что для меня эти миры страшные...

ЛЕЙДЕРМАН Нет, это интересно. Для меня был такой inferнальный голос: “Помогите!”, а когда уже телефоны... – пробил inferнальный холодок.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, холодок.

ЗАХАРОВ Если бы Юра дозвонился, ему бы сказали: “Приемная ФСБ”.

ЛЕЙДЕРМАН Да, впечатление от работы было бы немножко другое.

МОНАСТЫРСКИЙ Сначала что-то романтическое, даль какая-то открылась... А это – близкое и страшное. Вместо романтической дальности.

ЛЕЙДЕРМАН А Суворов – он же не евразиец, а наоборот западного типа деятель.

ЗАХАРОВ Любопытно, что для меня Суворов был важен, потому что мы на предыдущей встрече говорили о Кутузове. А здесь обратный ход – в предысторию.

МОНАСТЫРСКИЙ А почему ты решил шапку надеть?

ЗАХАРОВ Андрей, все не объяснишь. Наверно это евразийская шапка.

Я не знаю. Русский образ... Да. И Суворову, работы Олега Комова, – очень к гипсовому лицу.

ЛЕЙДЕРМАН Мне понравилось, что мы много говорили о Наполеоне и о Кутузове... и вдруг такой странный заброс в предшествующую историю.

МОНАСТЫРСКИЙ Хорошая работа получилась.

ЗАХАРОВ Для меня было важно вдруг резко, даже не приподнимаясь с наших мест, на которых мы сидим уже лет тридцать, выйти в чужое, пугающее пространство чудовищной машины, от касания которой бегут мурашки по коже. Юра правильно говорит, это inferнальная вещь.

Вначале, когда гимн...

МОНАСТЫРСКИЙ А чей гимн?

ЗАХАРОВ Евразийского движения. Это их марш. Вначале все ложится очень естественно, понятно... Суворов, бравурный марш... А потом на-

чинается – какой-то inferнальный голос, требующий помощи, какие-то цифры. Не сразу понимаешь, что цифры – это телефоны. По моему замыслу должна была образоваться чудовищная бездна здесь, прямо на твоём круглом столе, когда Юра начал звонить по этим телефонам. В конце концов не так уж важно, что он не дозвонился, важно, что он реально звонил. Inferнальный мир был готов раскрыть свои чресла в преисподню. Мы все должны были ощутить сжатие пространства между лежащим на диване расслабленным Андрем и приемной ФСБ и ужас от происходящего слипания. Мы как бы потенциально обнаружили себя перед оком Мордора. Но кто-то в последний момент не допустил этого.

ЛЕЙДЕРМАН Но интересно, этот момент политической критики без, собственно, критики. У нас он подспудно все время пульсирует. И моя работа с оставлением свитков тоже выглядела как политическая, хотя и ничего политического там не было... А тут еще больше. То есть под Капитоном пульсирует это политическое говно... оно все больше и больше приподымает ткань Капитона.

ЗАХАРОВ Или опускает.

МОНАСТЫРСКИЙ Это очень капитоновская работа.

ЗАХАРОВ Почему?

МОНАСТЫРСКИЙ Она все же герметичная.

ЗАХАРОВ Но здесь как раз попытка замкнуть в некой сумасшедшей фазе герметiku и чудовищно распростертую во все стороны, как спрут, реальность. Если бы Юра дозвонился по любому из этих телефонов, произошло бы что-то невероятное. И, возможно, именно поэтому, слава богу, ничего не произошло.

ЛЕЙДЕРМАН Нет, это было бы интереснее, потому что если бы там был автоответчик или голос, мы бы сами зацепили себя за их крючок в каком-то смысле. Потому что известен номер, с которого звонили. Может, кто-то решил бы проверить. Хотя это телефон общедоступный.

МОНАСТЫРСКИЙ Где ты взял этот телефон?

ЗАХАРОВ С сайта.

МОНАСТЫРСКИЙ Знаешь, сколько по нему сумасшедших звонит? Дикое количество!

ЗАХАРОВ Но автоответчик должен быть. Я был в полной уверенности, что он работает.

ДАРЬЯ НОВГОРОВОДА А ты проверял?

ЗАХАРОВ Нет, я не пробовал звонить. Но я проверял еще и на других сайтах. Момент импровизации и здесь для меня важен.

НОВГОРОВОДА А ты с самого начала решил звонить после жуткой фонограммы?

ЗАХАРОВ Конечно, чтобы понять, что произносит голос, надо раза три прослушать. Там не только: “Помогите мне!”, но и (в конце) “Помоги мне!” Совсем уж такое личное обращение к системе.

ЛЕЙДЕРМАН Все-таки если реально идти от представленной работы, то о помощи просит Суворов, да? Не мы, а Суворов. Ему плохо, он на себя надел меховую шапку. Стало не намного лучше. Тяжелая ситуация – в Альпах. Суворов в Альпах. Страшная нищета, холод. Ему говорят: “Вот, Александр Васильевич, Вам звонок в будущее предоставлен, через 210 лет. В какие инстанции будущего вы бы хотели позвонить?” Естественно – возглавляющему в это время страну.

МОНАСТЫРСКИЙ А куда он в Альпах-то переходил? В какую страну?

ЛЕЙДЕРМАН В Северную Италию.

МОНАСТЫРСКИЙ А зачем?

ЛЕЙДЕРМАН Потому что не было другого выхода. Он отступал.

МОНАСТЫРСКИЙ От кого?

ЛЕЙДЕРМАН От Наполеона.

Я представил себе как-то 20 июля 1969 года, запуск ракеты на Луну – будто он происходит сейчас, когда он никому нахуй не нужен. Я представил пресс-центр, оборудованный по последнему слову техники, длинные экраны, на которые все равно никто не смотрит, не говоря уже о том, чтобы выйти к дрожащей земле космодрома. Я представлял себе, это пресс-бар, где все предпочитают толочься в баре, сучить локтями по барной стойке, гуторить о делах – их маленьких, хлипких делах вечных корреспондентов.

Но иногда в этот бар входил Виноград: “В истории я являюсь вечным вкладом, – он говорил. – Бар”. Хотя зачем же тогда Виноград, провозвестник всех баров истории, еще раз утверждает поперек себя, заключает в квадратные скобки это словечко: “[Бар]”? Зачем упоминает какую-то нелепую, впереди себя пустую конкретность? Он, который и так вечный экстаз, всякое пьянство в баре – Дионис, возвращающийся из Индии, на колеснице, разодранный, Распятый, обнимающий шею лошади в Турине...

И нисходящий все ниже – в ракеты, на которые уже никто не смотрит, в игрушечку-на-полу, в претенциозно приглушенный свет и связанных будто бы для созерцания А.М. и В.З.

Однако центр работы именно в этом не поддающемся символизации, будто лишнем, словечке [Бар], заключенном в квадратные скобки. Как непалимая купина, что горит и не сгорает, значит нечто и не значит ничего. Снижение экстаза – от Диониса к связанному Моне – здесь останавливается. В этих квадратных скобках экстаз уже не может быть снижен. Степень его неизвестна, однако он не может быть снижен. Это необъяснимая прихотливость, подобная печати. В свое время Андрей варьировал манеру записи самого авторства “Коллективных действий” – писал, например, вместо названия группы, “список авторов”, а потом, наоборот, стал подписывать только аббревиатурой [КД], заключая ее в такие же квадратные скобки. На мой вопрос, зачем все это нужно, он туманно сослался тогда на “тонкие, сложные манипуляции” и на коллекционные печати китайских свитков...

В истории и культуре
вечным изложением (Бир)

РАБОТА АНДРЕЯ МОНАСТЫРСКОГО

ЕРЕСЬ

Сначала был прочитан мой старый текст 1992 года “Наблюдение печатей”. Важно, что он был прочитан с ридера, электронного носителя. В сущности, это маленький компьютер, в котором есть такая же печатная плата, о которой идет речь в тексте. В нем идет речь о времени как о носителе компьютерного изображения. Если первоначально время – это синоним ничто и весь мир форм – производная времени, то в компьютерных изображениях время превращается в предметный слой, порождающий другой тип сингулярности. Это уже некое Время-2 как разновидность пространства, формализованная канва с какой-то степенью сподручности, операбельностью, функциональность вечности (в силу застытости ортодоксального времени по типу бетонной стяжки, на которую выкладывается узор, орнамент нового временного слоя).

Потом были показаны коллаж с пейзажем и вмонтированными в него изображениями печатной платы и словом ЕРЕСЬ, сама печатная плата и схема из статьи “Наблюдение печатей”, где показано, как ландшафт через печатные платы процессоров превращается в компьютерное изображение. Тут возникает двойная семантическая вибрация – пейзаж и есть ересь, с одной стороны, и плата как ересь (через ее маркировку этим словом в качестве подписи под ней) – с другой. То есть ересь как ключевое понятие, как пустая втулка, вокруг которой вращаются смыслы (прямо противоположные). Сам Капитон и вообще “капитонизм” и есть ересь, вокруг которой все вращается и трансформируется. В том числе через это слово объявляется также ересью и весь этот дискурс о времени. То есть вся эта работа ЕРЕСЬ – это приближение к пустоте, попытка пробраться туда через трубу и слой времени как препятствия в дискурсе о пустоте.

